

18+

МАРИНА КОВАЛЁВА

О ЖИТЕЛЯХ ПРОВИНЦИИ

ПОВЕСТЬ. РАССКАЗЫ

Марина Ковалёва
О жителях провинции.
Повесть. Рассказы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39855017
ISBN 9785449601810*

Аннотация

В уютном провинциальном городке течёт обычная жизнь. Обитатели заняты своими заботами, радостями, увлечениями и разочарованиями. Время, невидимый участник жизни, уносит истории прежних жителей города, меняет мысли и планы современных горожан.

Содержание

О жителях провинции	5
1. ДЕНЬ В ОСОБНЯКЕ. ВАЛЕРИЙ	5
2. ДРУГИМ ПУТЁМ. АНТОН	27
3. АТЕЛЬЕ «РЕМБРАНТЪ». АЛЛЕЯ КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ I	44
4. ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ. ТАТЬЯНА ДМИТРИЕВНА	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

О жителях провинции

Повесть. Рассказы

Марина Ковалёва

Дизайнер обложки Елизавета Попова

© Марина Ковалёва, 2025

© Елизавета Попова, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-4496-0181-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О жителях провинции

1. ДЕНЬ В ОСОБНЯКЕ. ВАЛЕРИЙ

В старой части большого города, где ширина улиц предполагает всего лишь разъезд двух экипажей, где толщина стволов и кроны деревьев указывают на вторую сотню лет их жителя-бытия, а все дома в один—два этажа, в этой части города появился частный музей. Супруги, купившие исторический особняк под свои коллекции, ещё не определились с его названием. Мужу нравился вариант «Львиный дом» или «Тихая вилла», потому что каменную арку ворот венчала маска льва с яблоком в зубах – символ молчания. Хозяйке хотелось назвать особняк «Виллой роз», хотя во внутреннем мощёном дворике розы можно было разместить разве что в кадках. Ещё обсуждались названия «Галерея Р-ских» – по фамилии хозяев, или же «Нескучный дом» – так как предполагалось проводить там вернисажи и музыкальные вечера. Так или иначе, но музей, не обрета пока своего имени, открылся. Были приглашены знакомые хозяев и знакомые знакомых.

В назначенный день гости поднимались по старинным чугунным ступеням крыльца и давили кнопку звонка под видеокамерой. Тяжёлую дверь им открывала помощница хозяйки, щуплая бесцветная женщина в белой блузке, и при-

глашала войти. А в холле гостей встречала сама Лада Владимировна, высокая, красивая, в чёрном платье в пол и массивной серебряной гривне в этническом стиле на шее.

Некоторое время толпа приглашенных прогуливалась в первом небольшом зале, обставленном резной антикварной мебелью, с пианино в углу, увешанном гравюрами и старинными фотографиями с видами городов. Затем помощница пригласила всех пройти во второй зал, где Лада Владимировна снова приветствовала своих гостей, обступивших её плотной подковой. Она произнесла краткую речь о своём музее, понятную посвящённым, прерываемую то смешками, то аплодисментами, особенно при словах о «перекосах судьбы» и о том, что «свои желания надо отправлять в космос, и он ответит».

– А теперь – торжественно объявила она, – предлагаю начать осмотр с экспозиции, предоставленной нам дружественной галереей «Точка». Здесь присутствует хозяин галереи Борис, как всем известно, он поклонник современного искусства.

Мужчина в галстук-бабочке и модных очках с круглыми стёклами слегка раскланялся на все стороны, и присутствующие начали спускаться в подвал по кованной винтовой лестнице.

Под кирпичными сводами полуподвала Борис первым делом привлёк внимание публики к арт-объекту в центре зала. Масса палок, досок, источенных морем коряг и щепок низ-

верглась сверху вниз, слегка изогнувшись наподобие волны. В разных местах конструкцию скрепляли ржавые металлические скобы, обрывки цепей и проволоки. Композиция называлась Deleted Data и символизировала «удалённые данные». Арт-объект произвел на зрителей двойственный эффект.

– Бли-и-и-н, клёво! – выразила своё мнение молодая часть аудитории. Те же, «кому за сорок», отмолчались. Когда Борис сообщил, что некая комиссия разрешила установить «удалённые данные» на газоне перед его галереей, мужчина в задних рядах, с подкрученными по-казацки усами, тихо проворчал:

– Ну, если сие изделие оплетёт плющ, будет ничё так...

Затем Борис вывел за руку из толпы рыжеватого парня с острым голубоглазым взглядом:

– А вот наш «баснописец» Крылов, правда, ещё не дедушка! О своих картинах пусть расскажет сам автор!

– Мои картины открыты для интерпретаций, – скромно улыбнулся художник. Толпа развернулась к висящим по стенам картинам большого формата, написанным в густой сочной гамме. На всех полотнах изображались толстые петухи и куры. Показанные при низкой линии горизонта, они производили солидное впечатление. Их важное шествие, совещания под забором, заседания на насестах удивительным образом напоминало человеческое общество. Гости вынули смартфоны и с явным удовольствием начали фотографиро-

вать творения Крылова.

– Здесь целый мир! – резюмировала осмотр Лада Владимировна, – А теперь пройдёмте к собранию нашегоmmmэээ, – она запнулась, но потом с многозначительной улыбкой произнесла: – ...землепроходца Валерия!

– А ты шо, это тоже раскопал? – спросил носитель казачьих усов у плотного мужчины с волосами, стянутыми на затылке в хвост. Валерий единственный из всех мужчин был в толстовке и камуфляжных штанах.

– Не-а, я на копы уже полгода не ездил, – ответил тот, не вынимая рук из карманов штанов, – А это – моя вторая страсть, ты просто не знал. Недавно успел наличники содрать с одного деревянного домика. Но ветхи-и-ие! Надо повозиться малость, подлечить. Жаль, отсыпку на чердаке не успел прозвонить, завалили домик. Крыльцо у Лады заметил? Это я ей привёз! Литейный завод фон Штилера! 1906-й год!

Тем временем гости бродили во второй части подвала, усеянной точечными светильниками. Здесь вдоль вычищенных кирпичных стен на специальных скобах располагались кровельные черепицы с клеймами различных старинных производителей. В стойках стояли старые парадные двери, в рябой чешуе отставшей краски и древних трещинах. На иных дверях в переплётах сохранились квадратики стёкол, на других – дверные звоночки «Прошу повернуть», похожие на велосипедные, на третьих – почтовые щели с мед-

ными накладками «Для писемъ и газетъ».

Прехорошенькая молодая женщина тут же стала позировать на фоне то одной, то другой живописно потёртой двери. Её услужливые подруги старательно снимали её, одна – дорогой профессиональной фотокамерой, другая – на смартфон. Получив назад свой телефон, красавица выложила фото в популярную соцсеть, где у неё были тысячи подписчиков. «Интересное место. Всё нужно разглядеть, понять, почувствовать» – подписала она, нисколько не сомневаясь, что до конца дня под снимками появятся десятки «лайков». И действительно: «маленькое чёрное платье» как нельзя лучше демонстрировало её фигурку. Но не только хорошим телосложением, ямочками на щеках и прекрасным цветом лица привлекала она внимание. Выпускница консерватории обладала нежным лирическим сопрано и имела успех в местном обществе. Благодаря своему обаянию и энергии она вошла в моду, и её участие в частных культурных мероприятиях стало признаком хорошего тона. Свои сообщения под фото она помечала хэштегами «радость», «вдохновение», «искусствопения», «Вика-птичка» и тому подобным. Её свиту составляли скрипачка Алёна и фотограф Анжела. Анжела обеспечивала Вике портфолио прекрасных портретов, фото-отчёты с концертов. Скрипачка Алёна иногда уставала от Викиной самовлюблённости, но позволяла себе шутливо обозвать её «Вичкой-певичкой» лишь в разговорах с собственной мамой. Пробивная способность Вики и её умение

нравиться публике приносили свою долю известности и новые предложения и Алёне с Анжелой.

Хозяин коллекции Валерий вместе с усатым приятелем вернулся наверх в зал, беспечно оставив зрителей без своих увлекательных рассказов. Там уже распоряжался Игорь – супруг Лады Владимировны, импозантный статный мужчина в голубом костюме и сизом шёлковом шейном платке.

– Алла Петровна, Ваша коллекция уместится на перилах лестницы? – обратился он к худощавой подтянутой седой даме.

– Для самого интересного – места хватит, – кивнула Алла Петровна, – внучка мне сейчас поможет.

Длинноногая девочка лет четырнадцати, в крошечной клетчатой юбочке и чёрных гольфах выше колен, с бархатными кошачьими ушами на макушке, поднесла ей коробку. Алла Петровна принялась вынимать и распределять на кованых перилах вышивки.

– А как звать внучку? – спросил Валерий.

– Маша, – коротко ответила девочка.

– Вот имя хорошее! Наше! – воскликнул усач, – А моя невестка неделю назад двойню родила. Назвали Елисей и Есения. Я говорю сыну: назвали бы в честь дедов, Василием, как меня или Сергеем, как другого деда. Как бабок – Валентиной, Людой! Так нет же – чего придумали! Вот не привыкну никак! Буду пацана Лёхой кликать, а девочку – Ксюшей...

– Поздравляю с прибавлением, – откликнулась Алла Петровна и, воспользовавшись тем, что мужчины отошли, стала тихо выговаривать внучке:

– Почему ты оделась не так, как я просила? Ну что за вид? Переступая порог этого дома, ты обязана выглядеть, как барышня!

Сама Алла Петровна в кружевной блузе с брошью-камеей под горлом и строгой длинной юбке выглядела как стародавняя дворянка.

– Не буду, что за отстой, бабушка! – фыркнула Маша, – Ты забыла, что сегодня в хобби-центре начинается продажа новой манги? Там все наши соберутся, а я оденусь, как будто совсем не шарю?!

Они обменялись сердитыми взглядами одинаковых карих глаз.

– Ну, хоть ушки временно сними, – примирительно прошептала Алла Петровна, – у меня скачет давление, мне будет нужна твоя помощь...

Девочка нехотя вытащила из волос ободок с кошачьими ушами и сунула его в чёрный рюкзак, усеянный значками – пуговицами.

– Не стану я здесь долго торчать, – проворчала она.

Между тем из-за ширмы в углу зала Игорь и Валерий вынесли столик, а Василий выложил на него из большого коффра ножи и кинжалы. Отдельно на дубовый спил были положены две скрещенных шашки. Вернувшиеся из подвала го-

сти окружили стол, замороженные разнообразием и красотой ножей. Рукояти из рога, карельской березы, ореха, и даже ножек косули с нежной рыженькой шерстью и раздвоенными копытцами... Грозные лезвия с зазубринами, гранями, бороздами или же благородной гравировкой... Василий отпускал лишь краткие замечания: «пластунский нож», «якутский нож», «морской кортик 50х годов», «охотничий нож», «кавказский кинжал 19го века», ревниво поглядывая, если кто-то брал нож в руки. Затем зрители отступили от стола, а Василий встал перед ними, взяв в каждую руку по шашке. Опустив голову, он постоял так и вдруг запел изменившимся, сильным хрипловатым голосом. Вечная удадь и вечная обреченность сливались в вольном напеве, и слова были тоже вечные: степь, ворон, конь... Оборвав на высокой сиплой ноте припев «Ой-да-а, о-о-ой...», он начал вращение шашками. Рукояти ловко прокручивались в ладонях, клинки летали над головой, плечами, за спиной, создавая вокруг Василия остро – сверкающую сферу. Закончив фланкировку, он вложил шашки в ножны и снова вернул их на дубовый спил. Публика разразилась аплодисментами.

– А теперь приглашаю всех познакомиться с уникальным собранием народной вышивки, которую собрала Алла Петровна, сама мастерица—вышивальщица, – позвала своих гостей Лада Владимировна. Все подошли к развешанным по перилам вышивкам.

– Я потратила на поиски почти 30 лет, – начала Алла Пет-

ровна. – Но не только сама вышивка интересна для меня. Я всегда старалась узнать историю каждой вещи, что бывало очень затруднительно. Вот Машенька может подтвердить, – указала она на свою внучку.

– Да. Однажды бабушка взяла меня в одну поездку, – заученно начала девочка. – Мы приехали в посёлок к очень старой бабуле. Она была очень подозрительная, сразу спросила «А грОши дашь?» и только тогда пустила нас в дом. Моя бабушка поняла, что рушник очень старинный. Но когда она стала расспрашивать старушку, та вдруг рассердилась и закричала «На шо тебе знать?».

Все заулыбались. Алла Петровна с воодушевлением продолжала:

– И всё равно, каждая вышивка – говорящая! Виноград вышивали на свадебных рушниках, как пожелание богатства и плодовитости. Незамужние девушки, готовя своё приданое, вышивали маки, а замужние уже могли изображать розы. По изнанке видно неуверенную руку начинающей вышивальщицы, ведь собирать себе приданое начинали девочки с 12 – 13 лет. Или же небольшие огрехи с изнанки хорошей работы могли говорить о проблемах со зрением, значит – вышивальщица была уже в возрасте...

В это время помощница ввела в зал нового персонажа. Несколько человек отделились от слушателей, чтобы поздороваться с ним.

– Приветствую в наших палестинах, Арам, – пожал ему

руку хозяйин, а Лада Владимировна приняла от гостя букет белых роз.

– Как не заехать, Игорь! – отвечал Арам, – Такая радость у вас! Поздравляю!

– А-а-а, ереванское казачество, – подошёл и Василий, – давно не виделись!

– Здравствуй, Вася дорогой, видишь – сам ношу твой ремень, привык к нему, – Арам похлопал себя по круглому брюшку, а потом вынул из большой ременной пряжки стальные кольца, раздвинул их и, надев на толстые пальцы как кастет, показал Игорю:

– Такой ремень нельзя сыну дарить, передумал я. Он ещё глупый, попадёт в историю...

Затем Арам снова сложил кольца, вставил в пряжку и осмотрел гостей:

– А что, его нет до сих пор?

В этот момент в руках Игоря заиграл айфон.

– Приехал! Лёгок на помине! – взволнованно сказал Игорь и устремился вон из зала.

Высокий молодой человек бросился к окну и успел увидеть, как черный лимузин с тонированными стёклами медленно въезжал во дворик особняка, на предназначенное ему единственное свободное место возле двух хозяйских машин. Автомобили остальных гостей выстроились вдоль узкой улицы на весь квартал. Молодой человек перевёл любящий взгляд на маленький серый «опель», купленный им

недавно.

– Нет, девочки, всё-таки парень должен быть на машине, а не ездить в трамвае! – изрёк он важно, чем вызвал смех подошедших Вики и Анжелы

– Конечно, Костик, ты же должен и нас подвозить!

– Ну, вас подвозить для меня в кайф! С вас я даже за бензин не возьму!

– ...существовал обычай перед дальней и опасной дорогой разрывать рушник, – продолжала свой рассказ Алла Петровна. – Тот, кто уезжал – брал половинку-оберег с собой. А часть рушника оставалась дома как наивный залог, что уехавший вернётся...

Алла Петровна понимала, что говорит слишком тихо. Она поискала глазами внучку, но девочка уже сбежала с «бабушкиной тусни». Чтобы удержать немногочисленных слушателей, Алла Петровна указала на сложенную ткань:

– Эту скатерть вышивала мать для своей дочери и не окончила работу. О ней я расскажу позже. А вот у рушника – счастливая история. Видите – шов? Тысячи подобных рушников были разорваны в годы Первой Мировой войны. Этот солдат вернулся домой, и счастливая мать или жена сшила половинки заново. Но сшитый рушник короткий: хозяин сохранил только «душу» рушника, его вышивку. А само полотно, возможно, было оторвано для перевязки ран...

В зал вошли новые гости. Игорь поддерживал под локоть крупного рыхлого мужчину, с висящими дряблыми щеками,

заплывшей шеей и роскошной волной седых волос. За ним следовали двое молодых людей со спортивными сумками. Лада Владимировна со словами «Как я рада, как рада!» устремила к грузному человеку, и они трижды прислонились друг к другу щеками, как бы целуясь. Незамедлительно из угла было выдвинуто широкое кожаное кресло, в которое тяжело опустился толстяк. Молодые люди встали позади, словно пажи за тронном короля. Помощница бегом принесла из первого зала круглый кофейный столик на одной ножке и поставила его перед гостем. Кроме хозяев, тот обменялся рукопожатием лишь с Арамом, не удостоив остальных своим вниманием.

Один из сопровождающих молодых людей раскрыл спортивную сумку и осторожно распаковал и передал на столик несколько предметов, самым крупным из которых оказалась восточная бронзовая курительница. Анжела, до того момента свободно снимавшая зал, гостей и экспонаты, нацелилась, было, объективом и сюда, но была тут же оттеснена вторым сопровождающим. Она попыталась снова занять точку съёмки, но поймала сердитый взгляд седовласого коллекционера и предостерегающий жест Лады Владимировны. Смирившись, она убрала фотокамеру.

– Это пороховница? – спросил Игорь, беря маленькую серебряную фляжку.

– Да, из охотничьего отряда Петра III, там его вензель. Кстати, чем на сей раз попотчуеть? – отвечал седовласый.

Голос его оказался тонкий, почти детский.

– Медвежатины вам пришлю. В этом году не стал лицензию на лося брать. Медведя на овсах стрелял, – пока Игорь говорил, по лицам окружающих мужчин пробежали зависть и любопытство, а женщин – жалость.

– Почему – на овсах? – не понял седовласый.

– А они овёс любят, – объяснил Игорь, – им специально поляну овсом засевают. Медведям овёс – как нам попкорн. Приходят, садятся в овёс и когтями как совком пучки загибают. А чавкают так, что мне в укрытии слышно.

– И разделяешь сам? – удивился седовласый.

– Нет, зачем? Хотя меня Василий хорошими ножами снабдил. Но сзади егеря едут, они всё сделают!

Лада Владимировна зорко осмотрелась. Охотничьи рассказы супруга и красивые вещицы на столике собрали почти всех присутствующих. Возле Аллы Петровны осталась дослушивать историю скатерти только дама её возраста, хранительница из местного краеведческого музея.

– Прошу вашего внимания! – громко обратилась хозяйка к гостям, – Пора показать вам, как уютно и достойно, наконец, устроились мои любимцы! Эти тарелочки – конечно, не смысл жизни, а просто коллекционирование для души. Но я отдала этому полжизни!

По знаку Лады Владимировны помощница включила подсветку в двух стеклянных витринах вдоль стены и подала ей белые перчатки. В первой большой витрине сияли нарядной

роскошью раззолоченные мейсенские тарелки, английские фарфоровые тарелки с пейзажами, парадное блюдо завода Гарднера с портретом Екатерины II и прочая красота. Вторая стеклянная горка была поуже и хранила всего два небольших сервиза, но также старинных и дорогих.

Один из них был французский сервиз для горячего шоколада «тет-а-тет» из двух чашечек, вставленных в особые гнёзда на фарфоровом подносе и расписанный гиацинтами – символом любви.

Другой – детский чайный сервиз из тончайшего костяного английского фарфора, включавший чашки, блюдца, подносы для сладостей, заварочный чайник, молочник и сахарницу. Всё было такое изящное и покрыто такими нежными цветочками, что Лада Владимировна смотрела на него, умильно сжав руки. Такие сервизы выпускались до Первой Мировой войны для будущих леди, дабы они с детства обучались искусству приема гостей и знаменитому ритуалу «файв о клок».

Важный седовласый гость остался сидеть в кресле. Пока Лада Владимировна, окружённая толпой, руками в перчатках бережно вынимала некоторые экспонаты и рассказывала историю фарфора, он прислушивался к перепалке за своей спиной.

– Баран! Как ты мог тупо сожрать весь пирог?! – ворчал один из его «пажей» с гламурной щетиной на щеках и идеальной стрижкой, явный завсегдатай барбершопов.

– Случайно получилось. Я задумался... – отвечал второй «паж», румяный парень с ранними залысинами надо лбом. – Я с детства люблю яблочные пироги.

– Ты один, что ли, любишь? – кипел стильный бородач. – Невозможно по делам отлучиться!

– Хорошо! Раз я виноват, я сегодня же закажу в ресторане другой яблочный пирог, – покаянно обещал румяный.

– Смотри, не забудь! Тогда я тебя прощу. Может быть! – сердито сказал бородач.

Седовласый слегка обернулся в его сторону:

– Стоп! Пирог для всех заказывали?

– Для всех, – кивнул бородач.

– Значит, первый должен прощать я! А ты уже после меня, понял? – тихо, но недовольно произнёс босс.

– Хе-хе, молодёжь! Не сидели, порядка не знают! – хмыкнул Арам, стоявший рядом, – Слушай, это мы с тобой знакомы аж с восьмидесятого года, когда мы... – обратился он к седовласому.

– Я помню, – властно прервал тот старого друга. Арам запнулся, а потом вынул из внутреннего кармана пиджака небольшой футляр и протянул седовласому:

– Посмотри, это подлинник? Почему маленький?

Седовласый достал из футляра крестик и поднёс к глазам.

– Да, подлинный. Это, Ара, серебряный фрачник «Святого Георгия».

Высокий Константин давно не сводил взгляда с бородатого

го «пажа». Наконец он сумел отвести его в сторону и начал торопливо листать перед ним экран телефона:

– Переписка писателя В. за 1928—29 годы, в полном сохране... 16 фотографий лейб-гвардии... Этот лот тоже мой... А вот классная книжица: «Воспитание бедных, но даровитых детей», 1901 год...

Бородач пренебрежительно смотрел и, что-то тихо сказав, отошёл. Помрачневший Костик отстучал в ватсап сообщение: «За переписку даёт только 4 тысячи». «Чего?» – булькнул быстрый ответ. «Рупий!» – раздражённо дописал Костя.

Деловитая помощница увела Вику за ширму, за которой была дверь на приватную половину особняка. Анжела и Алёна ушли следом, чтобы помочь Вике надеть концертное платье. Лада Владимировна закончила свой показ, сняла перчатки и подошла к креслу.

– Это хороший, добротный коллекционный фарфор, – сказал седовласый, беря её за руку, – Но ты же знаешь, Ладушка, как я тебя люблю. И тебе – гостинчик от меня...

С этими словами румяный любитель пирогов раскрыл вторую спортивную сумку и достал предмет, обёрнутый простой белой бумагой. Седовласый, не вставая с кресла, передал его Ладе Владимировне. Она с волнением сбросила бумагу, и все увидели крупную плоскую тарелку синего кобальтового цвета, с галантной сценой флирта дам и кавалеров в медальоне. Лада Владимировна быстро взглянула на обратную сторону тарелки, ахнула и прижала её к груди.

– Я повешу её клеймом наружу! – счастливо воскликнула она.

– И тебе, Игорь, тоже... – продолжал толстяк, принимая из рук своего «пажа» другой бумажный ком. Супруг Лады Владимировны вопросительно склонился над седовласым. Тот сильно понизил голос: – ... с затонувшего корабля «Апостол Пётр». Сейчас это, как говорится, мейнстримно...

На восторженную реакцию хозяев седовласый отвечал равнодушными кивками, рассеянно оглядывая при этом вещицы на своем столе. Но сияющие физиономии «пажей» за его спиной выдавали торжественность и значимость момента. Толстяк помахал рукой, желая прекратить благодарности. Игорь с таинственным бумажным комом скрылся за ширмой, а Лада Владимировна заодно указала на неё седовласому:

– Как Вам нравится ширма в стиле шинуазри? Её оформила Мила Ежинская.

Большеглазая шатенка вышла немного вперед и одарила седовласого самой очаровательной улыбкой.

– Хорошо, хорошо, – апатично кивнул седовласый, бросив мимолётные взгляды и на зеленоватую ширму с тонко выписанными цаплями и пионами, и на саму Милу, – у меня стул есть деревянный.. Можно расписать....

Мила отступила за спины гостей и послала безработному мужу-художнику смс-ку: «Лада умничка, представила меня. Даст стул». – «Надо зацепиться» – прилетела смс-ка ей.

По залу словно пронёсся ветерок: мужчины и женщины поворачивались к Вике, появившейся в концертном платье. Тяжёлое длинное платье цвета «пыльной розы» полностью открывало её шею и плечи, придавая Вике беззащитность и элегантность одновременно. Волосы были подняты наверх, под маленькую серую шляпку с пушистым белым перышком, руки обтягивали длинные шёлковые перчатки. Вика умела и любила носить такие наряды, привлекая новых поклонников своей женственной красотой. Даже водянистые глазки vip-персоны оборотились к ней, а «пажи» застыли с отвисшими челюстями. Владелец галереи Борис тут же пробрался к ней с какими-то комплиментами, на которые Вика отвечала дежурной улыбкой.

Игорь тоже вернулся в зал. Снова завязался негромкий разговор между ним и седовласым, как вдруг случился конфуз. На приглашение Игоря подняться в мансарду толстяк отвечал тонким голосом избалованного ребёнка:

– Нет, не пойду. Эту лестницу ты построил не для меня!

Лицо Игоря испуганно вытянулось:

– Как же! А мой кабинет посмотреть? Моё собрание венской бронзы? Мила Ежинская интерьер делала...

И хотя нужно было подняться всего лишь на один плавный виток кованой лестницы, седовласый капризничал:

– Нет – нет! На восхождениях в горы я забил!

Расстроенные Игорь и Лада Владимировна не знали, что делать. Выручил догадливый Арам, предложивший другу:

– Давай под руку пойдём! Поднимемся играючи!

Тут же «руки помощи» протянули оба «пажа», Игорь и сама Лада Владимировна. Все наперебой ласково уговаривали седовласого. Наконец он сдался и нехотя покинул кресло. Окружённый группой поддержки, преувеличенно ахая и всхлипывая, он двинулся вверх по лестнице. Перед ним поднимался Игорь, поминутно оборачиваясь и наклоняясь назад к нему. Затем – сам седовласый под руку с бородачом. Ступенькой ниже двигался Арам, несмотря на собственное брюшко преданно поддерживая товарища сзади. Последним, сам не зная зачем, шёл румяный «паж». Лада Владимировна, оставаясь внизу, замерла в напряженной позе, как бы устремясь вслед восходящим. Высокий разрез на боку её платья раздвинулся, обнаружив крепкую ножку в чёрном чулке.

Из угла зала за этой патетической, временами даже героической сценой увлечённо наблюдал художник Крылов. В его внимательных голубых глазах, казалось, мерцали искорки.

Пользуясь сумятицей, Вика взяла из незапертой витрины французскую чашечку и подошла к окну. Держа на раскрытой ладони чашечку за изогнутое ушко, она сделала вид, что пьёт из неё, глядя в окно. Побледневшая помощница подлетела к ней с шёпотом «Ничего трогать нельзя!» и забрала драгоценность. Но Анжела уже сделала несколько отличных кадров. Через день в соцсети появилось романтическое фото Вики у окна в образе задумчивой аристократки, с подписью: «Когда на душе хрустально-тонко... грациозно... груст-

но... благодарно... трогательно...» и ещё много дней собирало комментарии, лайки и репосты.

– А ты, никак, домой собрался? – спросил Василий у приятеля, теребившего на груди шнурки от капюшона своей толстовки.

– Зачем домой? – откликнулся Валерий, – Нам ещё не наливали!

И действительно: в первом зале уж давно возле столика с пирамидой из бокалов для шампанского томился официант, другой столик покрывали подносы с канапе и фруктами. Лада Владимировна, убедившись, что супруг благополучно скрылся в кабинете со своими гостями, где для них он загодя «накрыл поляну», пригласила всех в первый зал. Официант виртуозно исполнил свой трюк, наполнив бокалы, гости разобрали конструкцию, чокаясь с Ладой Владимировной и желая успехов в её начинаниях.

Алёна встала возле старого немецкого пианино и положила скрипку на плечо. Вскоре подошла и Лада Владимировна, присела на винтовой табурет и подняла крышку. Оживленный гул в зале немного утих, жующие гости с бокалами в руках подошли поближе. Алёна заиграла вступление. Вика, грациозно сложив перед собой руки лодочкой, запела:

Ветерок так любовно колышет
Яркой зелени пышный расцвет;
Сад тенистый истомою дышит,
Весь полуденным зноем согрет...

Лада Владимировна аккомпанировала, подпевая в душе серебрястому голосу Вики:

Пой, ласточка, пой!
Дай сердцу покой!
Песню свою о блаженстве любви
Ты повтори!

Воистину – счастливые часы!

Алла Петровна чувствовала себя не совсем хорошо. Давление снова сыграло свою злую шутку. Она нашла помощницу Лады Владимировны, и вместе они уложили вышивки в коробку. Помощница понесла коробку за достопамятную ширму, а Алла Петровна тихо вышла из особняка. Неуверенной шаткой походкой она медленно пошла вдоль уютных старых кварталов, с их пузатыми балкончиками, мезонинами, ставнями на окнах. Её занимали грустные размышления о том, почему она не сумела удержать возле себя аудиторию. Разыскивая старинные вышивки, Алла Петровна вкладывала всю душу, подолгу обхаживая суровых деревенских старух, выпрашивая их семейные предания. Если бы история незаконченной скатерти попалась поэту – он сделал бы из неё балладу, думала она. Что добытые ею крупницы народного бытия могут показаться неинтересными, она не допускала и мысли.

Её внимание привлёк маленький старичок, сидящий

на ступенях одного из навечно запертых парадных. В руках он держал самодельный плакатик с просьбой о помощи. Не считая себя вправе унижать человека швырянием милостыни, Алла Петровна наклонилась и, преодолевая головокружение, аккуратно положила в кружку несколько десятирублевых кругляшков.

2. ДРУГИМ ПУТЁМ. АНТОН

– Здравствуйте, меня зовут Платон Петрович, мы сегодня совершим экскурсию на водопады. Вся группа в сборе? Прошу занимать места после проверки по списку... – так говорил мужчина, подойдя к группе, стоявшей возле белого, с большими притемнёнными окнами «Форд-транзита». Дело происходило летним воскресным утром на городской площади, вдоль которой выстроилось ещё несколько микроавтобусов. Экскурсия на водопады была недалёкая, однодневная, так как голубая цепь гор виднелась уже с моста при выезде из города. Вскоре автобус мчался в их сторону по отличной автостраде, а Платон Петрович, сидя в начале салона лицом к группе, вещал:

– Как известно, существуют водопады и водоскаты. Водоскаты – менее крутые, вода сбегает по наклонной поверхности, а водопады – это падение реки с уступа. Такие природные объекты относятся одновременно и к водным, и к геолого-геоморфологическим....

Аудитория не слишком интересовалась лекцией. Задние сиденья заняла компания из трёх мужчин и двух женщин, втянувшая за собой в салон увесистую спортивную сумку и пару кульков поменьше. Устроив их у себя под ногами, они оживлённо что-то обсуждали и пересмеивались. Ближе сидела супружеская пара лет сорока, при посадке откликнувшаяся

яся на фамилию Кузнецовы. Между супругами явно произошла размолвка, так как мужчина безучастно смотрел в окно, а женщина с каменным выражением лица читала с экрана смартфона. Другой диванчик занимали две подружки. Ещё до посадки в автобус они бегло и разочарованно осмотрели двух «свободных» мужчин-экскурсантов и теперь не обращали ни на кого внимания, занятые разговором вполголоса. Девушки были замечательно красивы: одна высокая, балетной стройности и тонкости, с длинными чёрными волосами, ровной линией лежащими на лопатках. Одета она была в облегающие чёрные брючки, закатанные на тонких щиколотках, и чёрную маечку, на голове красовалась белоснежная бейсболка.

Её подруга не уступала ей ростом, но имела более пышные формы. Платье-тельняшка изгибалось по круглым бёдрам, волнующей талии и бюсту четвертого размера. Русые волосы толстым жгутом лежали на шее, заплетённые во французскую косу.

Только трое, сидевшие ближе всех к Платону Петровичу, внимали его рассказу. Круглощёкий крепыш с бритой головой, самой заурядной внешности, в розовой футболке, натянутой на мягком брюшке и широких штанах-капри, которые так портят фигуры полноватых мужчин. Тщедушный, узкоплечий и малорослый юноша с давно нестриженными черными волосами, похожими на растрёпанное гнездо. Его широкие брови почти срослись на переносице, нос и губы каза-

лись слишком крупными на узком лице, горящие глаза бежали или стыдливо опускались при встрече с чужим взглядом. Своими коленками он почти касался колен Платона Петровича и его тоненькие ножки, покрытые чёрным пухом, казались паучьими лапками рядом с сильными, накачанными ногами гида, обутыми в добротные ботинки на ребристой подошве.

С наибольшей приязнью слушала Платона Петровича интеллигентная дама одних с ним лет. Она единственная откликнулась, когда гид представился группе («Очень приятно, а меня зовут Рива Марковна!») и теперь временами кивала или покачивала головой, демонстрируя прилежное внимание. Волосы дамы были острижены почти так же коротко, как у Платона Петровича, и в них также проблескивала первая седина. Голову Ривы Марковны венчал кокетливый соломенный картузик, какой можно купить на сувенирных ярмарках. На мясистом носу сидели очки с дымчатыми стёклами в тонкой золотой оправе, почти такой же, как у очков Платона Петровича. Уши украшали крупные серьги, руки – яркий маникюр, в целом Рива Марковна производила впечатление весьма ухоженной особы.

Шум и смех на задних сиденьях между тем усиливался, и Платон Петрович счёл за благо прекратить нудную лекцию. Своим троим слушателям он начал рассказывать, как много лет ходил по маршрутам четвёртой и даже пятой категории.

– Какая красивая гора! А как она называется? – вдруг об-

ратилась к гиду девушка в полосатом платье. Дорога огибала невысокую гору, вогнутую посередине, с двумя выступающими вперёд склонами, покрытыми курчавой зеленью леса.

Платон Петрович назвал вершину, а на вопрос девушки о переводе названия, насмешливо отрезал:

– У черкесов очень простые названия, связанные с их обыденной жизнью. Что-то вроде «Перевал, где Хасан мешок потерял» или «Кабанье ущелье» или даже «Поляны с хорошей травой». Никаких – таких легенд, это всё для туристов выдуманно. Ну, бывает ещё что-нибудь про ведьм-шайтанов, но редко. Черкесские названия утилитарные и связаны с хозяйственной деятельностью...

– Это ведь тоже интересно, – примирительно вставила Рива Марковна, но Платон Петрович не отреагировал и продолжал саркастически:

– Русские названия часто повторяются: «Волчьих ворот», «Чёртовых ворот» несколько в разных местах. А водопады в хозяйстве не нужны и на самом деле они все безымянные. Всякие «Девичьи слёзы», «Волосы Вероники», «Чаши Геракла» – экскурсоводы придумали, чтобы вешать лапшу на уши туристам! Не было в этих местах древних греков никогда!

Автобус остановился на просторной асфальтированной площадке. С двух сторон её окружали сувенирные лавочки и кафе, а в дальнем конце возвышались монументальные глыбы и слышался слабый гул. Платон Петрович сбегал с бу-

магами к административному домику и затем повёл группу к проходу в ущелье. Пришлось некоторое время ждать, пока снизу не поднялась предыдущая экскурсия. Перед спуском Платон Петрович произнёс краткий инструктаж:

– Идти друг за другом, держаться за поручни!

Группа начала спускаться по узкой железной лестнице, держась за скобы и перила, вбитые в каменные стены. По мере поворотов лестничных маршей гул и прохлада усиливались и наконец, открылась бурлящая стремнина. Внизу между изломанными скалами то сужаясь, то расширяясь, мчался бешеный поток воды. Вырываясь из теснины метров за двести от мостков, вода с шумом и пеной неслась по камням, бурлила под скальными стенами в промытых пещерах и котлах, кипела и прыгала на поворотах. В воздухе висела водяная пыль, рёв потока заглушал голоса. Далее отвесные берега расступались и река, вырвавшись на простор, разливалась в ширину и, сверкая серебристой рябью, мирно струилась между мощных круглых валунов. Насладившись зрелищем такого контраста водной стихии, экскурсанты поднялись по лестнице назад. Наверху уже стояла следующая группа. Женщина-экскурсовод, придерживая поля своей ажурной шляпы, громко внушала:

– Спускаться медленно! Ступени, хоть и с насечками, но мокрые! Глубина «Волчьих ворот» тридцать метров! Не забывайте об осторожности, крепко держитесь за поручни! Идём гуськом, слушаем меня во всём!

– Квочка! – проворчал Платон Петрович, проходя мимо.

Компания, в дороге сидевшая позади, притащила из автобуса свою тяжёлую поклажу. На вопрос гида – зачем? – они объяснили, что это замаринованное мясо на шашлыки, и они собираются хорошо посидеть у водопада.

– Далеко идти? – нетерпеливо спросили мужики с сумками.

– Нет, не очень, как идти будем, – уклончиво отвечал Платон Петрович. Они поднимались по пологому склону между рослых дубов, вязов и каштанов.

Вдруг Платон Петрович забежал вперёд и встал перед группой.

– А давайте немного свернём и я вам покажу вид с куэсты?! Это очень красиво, не пожалеете! – он выпятил грудь, заложил руки за спину и умоляюще глядел сквозь очки серыми круглыми глазками. Вид его был самый трогательный.

– Давайте сходим, покажите! Согласны! – раздались голоса в поддержку. Они свернули чуть правее и углубились дальше в лес.

Рива Марковна поравнялась с Платоном Петровичем и, указывая на льняную торбу на своём плече, сказала:

– Я захватила с собой коврик, чтобы посидеть у водопада, помечтать... У меня будет такая возможность?

Платон Петрович молча кивнул. Группа вышла на крутой обрыв. В бездонной небесной синеве плыли большие облака, а их тени причудливо перетекали по изумрудным склад-

кам гор. Местами зелень лесов разрывали белесые пятна таких же каменистых обрывов или светло-зелёные заплатки полей. Вершины тянулись вдаль до бесконечности, теряясь в дымке. Налюбовавшись родными просторами, повернули обратно.

Минут через двадцать, ведя группу по тропе между редкими дубками, Платон Петрович снова махнул рукой в сторону:

– А вот за тем склоном есть дольмен! Хотите, покажу?

Все опять согласились, но в рядах любителей шашлыка произошло брожение. Наконец один из них уселся возле сушок и мрачно закурил, остальные догнали идущих. Уже показался дольмен, оставалось только пересечь заросшую ложбинку, как вдруг Платон Петрович поскользнулся и плюхнулся на пятую точку. Оказалось, ложбинка заболотилась. Группа не успела сойти в обманчивую травку и остановившись, с сожалением смотрела, как их бравый гид поднялся, вымазанный в глинистой жиже. И тут пригодилась походная фляжка на поясе Платона Петровича. Он невозмутимо обмыл руку и ногу, и только щеголеватые бриджи сзади ниже пояса остались темнеть некрасивым пятном.

– Со всяким может случиться, – сочувственно проговорила Рива Марковна и, чтобы ещё больше поддержать Платона Петровича, протянула ему руку, шевеля пальчиками. – Я боюсь за свои белые брючки! Переведите меня, пожалуйста!

Платон Петрович указал остальным, где обойти болотце

и, схватив без всякого пиетета Риву Марковну за запястье, так и повёл её на вытянутой руке. Улыбка сползла с лица Ривы Марковны и через несколько шагов она высвободила руку.

Вернувшись на основной маршрут, группа наконец достигла водопада. Узкой струёй ручей падал с высоты трёхэтажного дома и пенился в каменной чаше, выбитой водой. Далее волнами скатывался по следующим уступам и уходил по известняковым плитам в овраг. Прохладный воздух, плеск воды, свисающие папоротники делали это место очень уютным в жару.

– И этот водопад никак не называется? – с сожалением спросила девушка в полосатом платье.

– Никак, – упрямо сказал Платон Петрович, – и это самый маленький водопад. Следующие будут выше и красивее.

...Углубляясь дальше в лесок, пересекли грунтовую дорогу. Вскоре они снова оказались перед широко разлившейся речкой. С их стороны в реку рухнула огромная сосна, подмытая водой. Комель ещё как-то держался за обрыв, а ствол наклонно спускался в воду, утопив пожелтевшую верхушку в потоке. Там, где заканчивалась сосна, глубина была уже мелкая и галечное дно виднелось сквозь тихие струи. Но перед их берегом вода энергично неслась между камней несколькими рукавами, скрывая дно.

Платон Петрович, взявшись за обломки корней, взобрался на павшую сосну.

– Петрович, твою дивизию! – взревели мужики с мясом, – А почему мы не пошли по той, нормальной дороге?!

– По ней возят лес, там нам нельзя ходить, – кротко пропустив мимо ушей непечатные выражения, ответил Петрович. Ловко пробежав по бугристому стволу до веток, он прошёл между их обрубками, спрыгнул на мелководье и выбрался на берег. Экскурсанты обалдело проводили его глазами. Возмущённые носители сумок, посовещавшись, решили вернуться к первому водопаду и удалились.

– Здесь можно перейти по камням! – воскликнула девушка в бейсболке и первая начала переправу. Взмахивая при каждом прыжке длинными волосами, словно вороньим крылом, она с грацией чёрной пантеры запрыгала по камням и вскоре оказалась на том берегу. За ней, словно оловянный солдатик за своей плясуньей, понёсся тщедушный юноша.

– Та-а-ак! – потирая руки, азартно протянул бритоголовый крепыш и вскочил на первый камень, – опаньки! О-па! О-па!

– Вот это я понимаю – разминка! А то сижу целыми днями на работе! – он был явно доволен, достигнув берега.

– Ой, и я от усопших отдохну, отвлекусь! Буду вспоминать, как прыгала! – запыхавшись, радостно сказала полосатая девушка, присоединяясь к подруге.

– Работаешь похоронным агентом? – тут же запросто обратился к ней крепыш, – Кстати, меня Виталий зовут, работаю водителем автобуса.

– А меня Антон, – подсунулся взлохмаченный юноша, но на него не обратили внимания.

– Я Рита, художница. Просто сейчас устроилась портреты гравировать, на мраморных памятниках. Там платят хорошо, а у меня автокредит...

– А-а-а, понятно. А подруга – тоже художница?

– Тоже, но Ира работает в ночном клубе, – Рита засмеялась, заметив смущение Антона, – она диск-жокей!

Виталий и Рита заговорили об автомашинах, Антон робко поглядывал на Иру, супруги Кузнецовы благополучно допрыгали до берега. Только Рива Марковна оставалась на месте, растерянно провожая взглядом спутников и надеясь в душе на помощь с их стороны. Наконец, взбодрившись, она прыгнула на первый камень, побалансировав – на второй, и остановилась. Решимость покинула её. Она всматривалась сквозь очки в третий камень и ясно видела, что он мокрый, сильно скошенный, и она с него непременно сорвётся. Она беспомощно стояла посреди потока, не зная, что делать.

На берегу же происходила сцена из рыцарских времён. Рита, сделав несколько шагов, ойкнула и испугано глянула на свою босоножку, похожую на римскую сандалию. Часть тонких ремешков лопнула во время прыжков и волочилась по земле.

– В горы надо правильно обуваться, – наставительно произнёс Платон Петрович, указывая на полукеды Иры: – Вот у барышни – правильная обувь!

И тут Виталий, явно пребывая в отличном настроении, присел перед Ритой и поставил её крепкую, фигурную, словно ножка рояля, ногу, себе на штанину. Девушки обменялись быстрыми взглядами, и Рита не сдержала победную улыбку. Не каждый день мужчина опускается перед тобой на колени! Виталий быстро и ловко стянул между собой ремешки и постарался закрепить их. В это время супруги Кузнецовы сердобольно подбадривали Риву Марковну, крича и махая ей руками.

Несчастливая отрицательно мотала головой. Наконец, муж Кузнецов запрыгал в обратную сторону и остановился напротив, протягивая ей руки. Но Рива Марковна не в силах была оторваться от камня. И тогда к спасению присоединился Виталий. Разувшись, он вошёл в воду и добрёл до Ривы Марковны. Покачиваясь в сильном течении, доходившем ему до колен, он помог страдалнице перепрыгнуть к Кузнецову, держась за руку которого Рива Марковна и достигла суши.

Обет молчания был нарушен. Далее супруги Кузнецовы шли, оживлённо переговариваясь. Рива Марковна пристроилась к ним, благодарная за проявленное участие. Виталий, отжимая от воды края штанин, поймал взгляд Риты и ощутил себя героем дня. У них вдруг нашлось много тем для разговоров. Даже Ира что-то отвечала на несмелые вопросы Антона. Никто не заметил, какое расстояние прошли они вдоль речки, всё более поднимаясь вверх по склону.

Неожиданно Платон Петрович, бодро шагавший впереди, присел над обрывом. Затем свесил ноги, развернулся лицом к группе и, призвав всех следовать за собой по одному, двинулся боком куда-то вперёд, постепенно скрываясь за кромкой земли. Экскурсанты озадаченно следили за его новым фокусом. Первым скользнул вниз Антон. Наконец-то его малый вес и рост приносили ему бонусы! За ним спустилась гибкая Ира. Затем по тропе осторожно двинулся Виталий. Снизу донёсся его озабоченный голос:

– Рита, сразу поворачивайся лицом к склону и держись за ветки! Бочком иди!

В арьергарде вспыхнуло волнение. Рива Марковна заглянула вниз и отступила назад подальше:

– Что за маршрут такой?! Почему я должна рисковать жизнью? Нет – нет, я туда не пойду! Я возвращаюсь!

От негодования лицо и шея у неё покрылись красными пятнами. Напрасно Кузнецов обещал идти последним и страховать её, Рива Марковна развернулась в обратный путь.

Узкая тропа вилась вдоль отвесной стены, нарастающей по высоте. Тропа же оставалась приблизительно на уровне трёх – четырёх метров над руслом, то галечным, то забитым валунами. Двигаться приходилось медленно, всем телом прижимаясь к почти вертикальному откосу и для большего сцепления как бы обнимая его раскинутыми руками. Опасный сюрприз поджидал посередине: там из поверхности об-

рыва выпирала скала, а тропа превращалась в карниз.

Виталий постоянно вертел головой: то проверял путь впереди, то следил за Ритой. Полосы на её платье показывали, насколько крепко прижата она к стене, насколько над тропкой выступает её попа. Он готов был броситься за ней вниз, если бы она сорвалась.

– Не смотри вниз, смотри на меня! – повторял он. Рита действительно не сводила с него глаз. Никогда и ни к кому не льнула она так, как к этой нагретой каменной стенке. Она старалась не слушать шум воды внизу за спиной и не отставать от Виталия. И когда он, обогнув скальный выступ, исчез, испугалась.

– Виталя, ты где?! – отчаянно крикнула она, замерев в распластанной позе. И лишь когда он снова подал голос, нашла в себе мужество продолжить движение.

Антон выбрался на ровную площадку и увидел Платона Петровича, сидящего в траве и жующего стебелёк. Он оглянулся назад и заметил вытянутую руку Иры, ищущую опору. Бережно принял он в свою ладонь длинные тонкие пальцы красавицы и помог ей выйти на поверхность. Ради этого мига стоило жить! Он поднял благоговейный взгляд на Иру, которая благодарно ему кивнула. Следом по пояс высунулся Виталий. Подтянувшись, он выскочил наверх и сразу развернулся и улегся животом в траву, свесив вниз руки для Риты. Последними выползли из пропасти Кузнецовы. Экстремалы поневоле, все повалились на траву, давая отдых душе и телу.

– А почему мы не пошли по горе? – подозрительно спросил муж Кузнецов.

– Так короче, – был лаконичный ответ.

– А Рива Марковна не заблудится в лесу? – спросила жалостливо жена Кузнецова.

– Не заблудится, если пойдет вдоль русла, – казалось, Платона Петровича ничуть не беспокоило, что его группа уменьшилась ровно наполовину, – и скоро будет следующий водопад!

...В самом деле, водопад мог появиться с минуты на минуту. Рельеф местности выровнялся, а идущих обступили скалы. Парочки весело аукались и указывали друг другу на разноцветные пласты пород, красочно расчертивших бока утёсов. Вдруг взгляд Иры остановился, а глаза округлились. Неугомонный Платон Петрович карабкался на скалу и был уже на её середине.

– Петрович, нам здесь подождать?! – крикнула Ира.

Подоспевшая группа, задрав головы, проследила, как скрылись в кустах наверху глиняный зад и туристские ботинки их сумасшедшего гида.

– Уже недалеко... – донеслось сверху.

Мужчины начали держать военный совет, и Антон был полноценной и полноправной боевой единицей. Было решено первому начать подъем Кузнецову, Антону закрепиться посередине и подтягивать женщин, а последним пойдет Виталий и будет рядом с Ритой, так как её босоножки ненадёжны.

ны.

Восхождение прошло не без потерь. С головы Иры слетела и потерялась фирменная бейсболка, а розовая майка Виталия, ставшая от пота малиновой, лопнула по шву подмышкой. Наверху их встретили буйные заросли травы, кизила и чубушника. Несносный Платон Петрович не взбирался ещё выше, но и не давал к себе приблизиться, мелькая сквозь ветви впереди. Где же этот чёртов водопад? Похоже, они были здесь первопроходцами, потому что тропинок не наблюдалось, а ноги без конца спотыкались о каменистые гребни и корни, выпиравшие из земли.

Наконец, Платон Петрович приостановился и крикнул:

– Спускаться здесь! – и сразу зашепшил вниз.

Как?! Теперь – спускаться?! Когда три пары приблизились к краю утёса, сразу, будто его включили, раздался ровный шум водопада. Но компанию это не обрадовало, их занимал спуск. Рита и Ира, взявшись за руки, осторожно склонились над краем и отшатнулись. Кузнецова повисла на муже и, переходя от контральто к сопрано, завывала:

– Я боюсь высотыы... .

– Петрович, мать твою за ноги, как баб спускать будем? – загремел с вершины Кузнецов.

– Ты о женщинах подумал? – гневно подхватил Виталий.

– Я помогу... – кротко донеслось снизу, но это было слабое утешение. Пришлось снова держать военный совет, не повторять же судьбу отца Федора! Несколько раз ме-

нялись тактические решения, наконец вниз полез Антон, за ним Кузнецов. Виталий остался наверху, а в качестве первой ласточки он начал спускать Иру.

...Красавец водопад сверкал на солнце множеством алмазных струй, бегущих рядами с длинного каменного уступа. Его вогнутая стена была словно смята в мелкие складки, и под водой каменные пластины пестрели красноватыми, желтыми, серо-синими и меловыми полосами. Крупная, слепящей белизны галька устилала дно ущелья, по которому вода, попенившись в выбитом бассейне, соединялась в поток и устремлялась под нависшую скалу.

Не успели новоявленные скалолазы, с исцарапанными руками и коленями, на трясущихся ногах, ступить в этот сказочный колодец, как раздались неясные голоса. В следующее мгновение из-за выступавшей скалы, которую они посчитали запирающей ущелье, вышла женщина в ажурной широкополой шляпе. Обращаясь назад, она говорила:

– А теперь перед нами открывается чудесный водопад с поэтичным названием «Волосы Вероники». Говорят, он был открыт в июле, когда на небе можно наблюдать одноимённое созвездие. Прежде чем я расскажу вам легенду, хочу обратить ваше внимание на выходящие здесь слои аргиллитов, песчаников, глинистых сланцев...

За ней, расслаблено переставляя ноги по плоской, как тарелки, гальке, благодушно шествовала группа экскурсантов. В их рядах изумлённые первопроходцы увидели Риву Мар-

ковну. Заметив своих прежних спутников, она приветливо помахала им рукой.

– Рива Марковна, как вы здесь очутились?! – крикнула жена Кузнецова.

– Очень просто, – ответила Рива Марковна, – по пути назад я встретила эту группу.

– Нет! Как вы ЗДЕСЬ оказались? В этом колодце?!

– Почему – в колодце? Здесь удобный проход! Мы всё время идем по тропе вдоль реки.

– А-а-а??!! – вырвался одновременный вопль у трёх парочек, и они вопросительно развернулись к Петровичу.

Платон Петрович заложил руки за спину, радостно выпятил грудь и закончил коллективный крик души сакраментальной фразой:

– ...а мы прошли другим путём!

3. АТЕЛЬЕ «РЕМБРАНТЪ». АЛЛЕЯ КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ¹

– А это у тебя что? – меня как будто подхватили, и я увидела над собой просторное, яркое голубое небо. Мужской голос раздельно и с иронией медленно прочитал:

– А-тель-е Рем-бран-т.

Другой мужской голос что-то глухо отвечал сбоку.

В следующий миг я полетела вверх и ещё через миг заперла на высоте. Внизу я увидела двух мужчин, разглядывающих мою фотографию. Они стояли возле каменного парапета, окружавшего маленькие ёлочки. Моему взору открылась аллея старого парка. Высокие раскидистые деревья без листвы, чёрная мокрая земля, а сквозь пустые кроны хорошо просматривалась движущаяся по аллее вперед-назад толпа. Посреди аллеи тянулась приподнятая над землёй клумба с каменным парапетом и редкими ёлочками. Затем я ясно увидела множество вещей, разложенных всюду на этом парапете. Военные каски, фляги и ножи, статуэтки и толстые альбомы, посуда и иконы и много-много других чудных предметов. Толпа тоже была какая-то необычная, не видно пальто и котелков, часть публики была в чем-то тёмном, на неко-

¹ Орфография и стилистика надписей взята с подлинных фотографий начала XX века.

торых же были очень яркие куртки либо одинаковые синие штаны, это смотрелось радостно и напомнило мне цирковых ковёрных. Легкость и свобода были разлиты над этой пёстрой толпой, голыми деревьями, в холодном свежем воздухе и голубом небе надо мной.

– Красивая барышня, – снова услышала я голос мужчины, державшего моё фото, и посмотрела сверху. Это была фотокарточка, отосланная мною моей гимназической подруге Кларе в Екатеринодар, в ответ на её первое письмо оттуда. Да, на этой фотографии я была женой штабс-капитана Лебедева и уже знала, что стану мамой. Это была счастливая пора. Я сфотографировалась для Клары в своей любимой белой тальме, отделанной голубым сутажем и дорогой шляпе от мадам Давидович. На фото не видно её глубокого синего цвета и изящной птички с колосками в бархатных складках шляпы...

Ещё не было Великой войны и всех грядущих бед и потрясений, а моё личное горе и потрясение спряталось на глубине души. Клара знала, что мне пришлось пережить, и всегда была со мной особенно внимательна и добра. У меня в классе были и другие подруги, но только Кларе я призналась, что люблю мальчика. Нам всем исполнилось по 15, я уже расцветала, а Клара выглядела толстой домашней девочкой. Николай Ерёмин был выше меня, стройный, кареглазый, начитанный и великодушный. Мы гуляли втроём, но Клара всегда чувствовала тот момент, когда нужно оставить нас и нико-

гда не была в тягость. Коля читал наизусть стихи, остроумно подбирая их к текущему моменту, но некоторые он писал отдельно для меня в тетрадку. В 17 лет мне уже обжигали сердце его записочки, из рукава его пальто в мою ладонь съезжал букетик фиалок, а наше дыхание иногда так сближалось, что вот-вот могло превратиться в долгий поцелуй.

Необъяснимо злой и бессмысленный поступок дрянного мальчишки-реалиста убил мою первую любовь.

Никто не подозревал, что прекрасный химический класс во втором реальном училище тайно использовался для составления взрывчатых смесей. Несколько реалистов, начитавшись подпольных газет, сделали бомбу. Её кинул на проспекте в жандармского ротмистра ровесник Коли. Офицер был тяжело ранен, а двое невинных прохожих убиты. Весь город был взбудоражен, толпы сочувствующих явились на похороны... Колю хоронили в закрытом гробу. Говорят, осколок сдвинул ему лицо. Я не смогла подойти к гробу и словно в тумане видела только мадам Ерёмину, которую поддерживали с обеих сторон. Её голова под черной вуалью была запрокинута и виднелся лишь подбородок и открытый рот в беззвучном стоне или крике. Меня держала Клара и не покидала все тяжелые последующие дни.

А тайные фанатики остались, потому что даже после ареста нескольких реалистов и учителей, в актовом зале училища кто-то выколол глаза на большом портрете государя-императора...

В 1906 году моя жизнь изменилась: я вышла замуж за Сергея Лебедева. А ещё через год я узнала счастье материнства, бог послал нам Верочку. Доченька росла веселой, здоровой и была моей главной радостью, так как муж днями пропадал на службе. В пятилетнем возрасте в ней вдруг открылся талант. На рождественской ёлке в офицерском собрании после стишков и песенок, исполненных детьми старшего возраста, наша кроха неожиданно тоже вышла в круг. Сильным и чистым голоском, какой не обнаруживала дома, она запела детскую песенку про Христа-младенца, гуляющего в розовом саду. Все были поражены верностью мелодии и серебристым голосом Верочки. Эту песню она знала от няни, но дома дочь её ни разу не пела.

А вскоре случилась ещё одна радость. В полк прибыл Лев Пояркин, старый товарищ мужа по военному училищу. Он был холост, и Сергей сразу пригласил его к нам на воскресные обеды. Это были чудесные дни. Часто после обеда Сергей брал гитару и Верочка, я и Лев пели любимые песни. Лучше всего получались у Верочки и Льва на два голоса «Колокольчики мои, цветики степные» и «Ехали на тройке с бубенцами». Я, хоть и не обладала сильным голосом, но в тесном кругу отваживалась петь свою любимую «Уж вечер..», а Сергей и Лев, сделав суровые лица, баритонами затягивали «Хас-Булат удалой». Конечно, в нашем любительском кружке именно Верочка выделялась красивым голоском и верным музыкальным слухом. Общее единодушное решение было

в будущем брать Верочке уроки по вокалу у профессиональной певицы.

Начавшаяся через полтора года германская война всё изменила. Полк мужа отбыл на фронт, а мы с волнением ждали его писем. Сергей сначала писал регулярно, потом с большими перерывами. Я хранила все письма мужа, и когда становилось слишком тоскливо, мы с дочкой садились их перечитывать. Через месяц, как Верочке исполнилось 10 лет, от мужа пришло последнее письмо. Оно было написано карандашом, на листе какой-то конторской книги. Он сообщал, что вынужденно снял офицерские погоны, но остается верным присяге. Просил нас беречь себя, не считать его трусом, надеяться на нашу встречу. Мы восприняли обещание встречи буквально. Верочка выпросила папино письмо себе, обернуло его шелковым платком, чтобы не затерлось, и носила в кармане платья.

Прошло почти полгода, от Сергея больше не было вестей. Германская война превратилась в междоусобную, газеты писали страшное. В городе появлялось всё больше беженцев, я с тоской и болью смотрела на их детей. Безумие, охватившее взрослый мир, забирало будущее у детей и молодежи, у моей подраставшей певицы Веры Сергеевны Лебедевой. Поздней осенью фронт вдруг изогнулся в нашу сторону. Знающие говорили, что прибыла свежая часть для подкрепления, что оборону города возглавил полковник Пояркин, что красную чуму не пропустят.

Ноги сами понесли меня к гостинице «Националь», где разместился объединенный штаб обороны. Несмотря на слякоть и пронизывающий ветер, я два дня прохаживалась неподалеку. На третий я увидела Пояркина, сбегаящего по ступеням.

– Господин полковник! Лев Иванович! – кинулась я издали. К счастью, он услышал и обернулся. Разговор занял не больше двух минут, полковника ждали офицеры в автомобиле. Лев Иванович ничего не знал о судьбе мужа, быстро уточнил, где мы живем, пообещал заглянуть в гости, позаботиться о нас в случае опасности. Конечно, к нам он так и не приехал. Но я была безмерно благодарна ему, когда однажды к дому подкатила коляска с ездовым. Солдат крикнул, что нас забирают в обоз, надо быстро собраться. До города порой доносился гул артиллерии, кое-кто из соседей уже пустился в бегство. Я быстро увязала теплые вещи, взяла припасенные сухари, мешочек пшена. Первые километры мы проехали в начале обоза, но потом к колонне добавились раненые и мы уступили коляску им, переместившись в середину, на подводы.

Обоз торопливо катил по шоссе между редкими деревьями. Верочка сидела передо мной, облокотясь на узлы. Вдруг резкий гром разорвал воздух и взметнул перед нами черную стену земли. Словно жгучее копьё вонзилось в меня, а Вера, описав дугу рукой в белой муфте, упала с телеги. Тут же второй взрыв накрыл нас.

– От Степановской бьют! Красные справа! На обочину, живо! Дорогу! – такие крики неслись со всех сторон впере-
мешку с грохотом и ржаньем лошадей. Я ничего не видела,
меня тащили за руки и ноги, на лицо напозала горячая вол-
на...

.....

Я очнулась лежащей на боку. В половину лица вцепилась
липкая масса. Ледяная тяжесть наполняла и сковывала те-
ло, не позволяя шевельнуться. Свободным глазом я увидела
прямо перед собой заляпанную грязью фигуру, прикишную
к земле. Что-то странное было в её позе, слишком обмяк-
шей, так не лежат живые... Неожиданно за этой темной фи-
гурой я разглядела неподвижный кусочек белого мехового
круга. Что это? Капор Веры? Ты ЗДЕСЬ, моя доченька?! Изо
всех сил я расширяла глаз, всматриваясь в белый полукруг.
**ДЕРЖИСЬ, МОЯ ДЕВОЧКА!!! ЗА НАМИ ВЕРНУТЬСЯ,
НАС ДОСТАВЯТ К ДОКТОРУ! МЫ НЕ СТАНЕМ ЗЕМ-
ЛЕЙ У ДОРОГИ!!!** С нарастающим ужасом глядела я на бе-
лый ободок капора, словно превратившийся в нимб. Мне ка-
залось, что дочь слышит мой голос, а не этот непонятный,
слабый хрип...

.....

– А ну, эту обшарь! – меня рывком повернули и я увиде-
ла серое небо и дальние голые верхушки деревьев. – А-а-а,
черт! – протянул раздраженно чей-то голос, и тут же небес-
ная высота стремительно ринулась ко мне.

.....
Я словно висела в тумане, но где-то надо мной разговаривали двое:

– У меня три фотографии ателье «Рембрантъ»...

– Зачем мне? Я собираю только до четырнадцатого года, эти не датированы.

– Нет, ты глянь, тут интересная цепочка. Вот эта, я думаю, самая старая. На обратной стороне ещё нет никакого бланка, на лицевой только «Ателье «Рембрантъ» и «негативы сохраняются», картонка дешёвая, тоненькая...

А у этой уже и основа солидная и бланк появился. На лицевой – виньетка «В.А.Смирнов» и то же «Ателье «Рембрантъ» – уже серебром. Думаю, это второе фото по хронологии. И адрес появился на бланке: ул. Торговая в доме братьев Тарасовых.

– А почему думаешь, что второе?

– Ты сначала низ бланка рассмотри: тут, в лучах – «Ателье фотографии и светописи даёт уроки для господ фотографов-любителей. Плата умеренная». Рядом – «Фотографъ-художникъ В. А. Смирнов. Принимаю портреты на увеличение».

– Ну и что это доказывает?

– А теперь третье фото смотри: бланк какой богатый стал! Тут уже и щит с короной, и надпись в венке «Удостоенъ всемилостивейшей Его Императорскаго Величества НАГРАДЫ», а адрес какой! «Улица Торговая в собственном доме,

у пересадки трамвая»! Процветал фотограф Смирнов, хорошие года ещё были. Эту барышню отношу до четырнадцатого года.

...Я будто описала головокружительный кувырок в воздухе и снова небесная синева распахнулась надо мной. Незнакомое мужское лицо заинтересовано приблизилось ко мне:

– Да, действительно – история сложилась! Барышня, значит, из лучшей поры этого ателье... Забираю твоего Смирнова!

Большой конверт плавно прочертил небо, и белый лист бумаги бережно опустился на моё лицо.

4. ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ. ТАТЬЯНА ДМИТРИЕВНА

Город был невелик, небогат, поэтому новая мода на возвращение улицам исторических названий была местным властям не по карману. Глаз цепляли старые таблички на углах: ул. К. Либкнехта, ул. Розы Люксембург, Клары Цеткин, Маркса, Энгельса...

Старые памятники тоже не убирались. Только бронзовый Ленин сильно потемнел, а по серому каменному Калинину ползли тёмно-зелёные лишайники, которые никто не считал. Обе статуи почти терялись в тени сквериков, в которых стояли. «Маскируются, чтобы не снесли...» – шутили горожане.

Вдоль чистых, почти безлюдных улиц запросто росли огромные кусты смородины, крыжовника и сирени. Скромные одноэтажные домики чередовались с особнячками с наивно-толстыми колоннами. По патриархальной традиции столетние здания доверчиво смотрели на улицу рядами окон. Если же череду фасадов прерывал глухой забор – значит, старый дом пал, а на его месте возник современный особняк, отгородившийся от мира согласно понятиям уже нашего века.

Но слава богу, окошек на улицах пока было больше, чем высоких слепых оград. И присмотревшись к ним, прохожий

замечал провинциальную своеобразную моду. Окна, будто соревнуясь друг с другом, блистали стёклами, свежим нарядным тюлем, а белые подоконники непременно украшали разнообразные цветы в горшках, или же на них были любовно рассажены игрушки. Куклы и мягкие зверушки указывали на девочек в доме, машинки и роботы—трансформеры свидетельствовали о сыновьях. Когда в продаже появилась мелкая садовая пластика, простодушные горожане выставили на свои белейшие подоконники гипсовых гномов в колпаках, каменных улиток, смешных целующихся лягушек. Эти мини—выставки в окнах делали прогулки по старым кварталам ещё милее и приятнее.

В современной части города улицы были шире и оживлённее, но дома более безликие: стандартные пяти- и девятиэтажки. Однако обе части города роднило большое количество скверов и бульварчиков, притом что существовал ещё и Городской сад. Горожане любили проводить в нём выходные: волейбольная площадка, шахматный павильон и бильярдная заполнялись игроками и зрителями, в детском городке гуляли семьи, а дальнюю аллею облюбовали антиквары и коллекционеры.

Почему-то эта аллея притягивала не только местных коллекционеров, в иные выходные приезжали даже из областного центра. Профессиональные торговцы антиквариатом, рядовые собиратели и празднующиеся зеваки составляли порой довольно внушительную толпу.

На майские праздники аллея также была густо заполнена. Разговоры журчали самые разнообразные.

– Эта книжка вышла всего в пятьсот экземпляров, в начале девяностых, – говорила интеллигентного вида дама, беря со складного столика толстую брошюру, – её написал наш краевед Виталий Бородин, светлая ему память!

– И издал за свой счёт, – подхватил благообразный старик, хозяин столика, – мне подарил десять штук, мы с ним были одноклассники. Эту, без автографа, могу продать Вам!

– Возьму с удовольствием, для своих студенток, а у меня уже есть. Вы тоже занимаетесь краеведением?

– О, нет! Я проработал много лет хранителем фарфора в Павловске, а сюда вернулся, когда вышел на пенсию. Могу на ощупь определить ручную надглазурную роспись, если надо.

– Ну, старого фарфора у меня нет, спасибо. А вот с образцами старой одежды – просто беда! Где взять?! Я преподаю в нашем педагогическом колледже, мы с девочками готовим спектакль – экскурсию. Про историю нашего города... Очень нужны винтажные вещи, чтобы костюмы сделать!

– Это, сударыня, вряд ли здесь найдёте! – развел руками старик.

– Знаю, но пришла на всякий случай... Зато книжку Бородина нашла!

Невысокий худощавый юноша с растрёпанными тёмными волосами, падавшими ему на глаза, неожиданно вступил

в разговор:

– У нас дома есть спорки, – застенчиво и негромко сказал он, отрываясь от созерцания значков на соседнем столике.

– Спорки? Что это такое? – тут же повернулась к нему преподавательница педколледжа.

– Распоротая одежда, старинная... – так же тихо, смущаясь, произнес юноша, – моя бабка была портниха...

– На ловца и зверь бежит! – удивился старик, а преподавательница, не веря своей удаче, схватила парня под локоток и забросала вопросами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.